

КРОКОДИЛ

№ 23 ● АВГУСТ 1975

— Ну что ж, разыграем...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Итоги Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе пришлись не по вкусу некоторым западным политикам и пропагандистам, которые вопреки здравому смыслу упрямо сохраняют верность дурным традициям отжившей «холодной войны».

— Караул, потеплело!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Владимир КОНСТАНТИНОВ
Борис РАЦЕР

Человек со стороны

В управленье строймонтажном,
Говоря короче, в СМУ,
Шло собрание однажды,
Шло спокойно, чинно, важно,
Как положено ему.
Небольшой доклад вначале,
Так, минут на двадцать пять —
Сколько сдали в том квартале,
Сколько в этом надо сдать,
О высоких достиженьях
Лиц отдельных и бригад,
О починах, о движеньях —
Словом, дельный был доклад.
Дальше ждать бы надо прений,
Но без прений обошлось —
Никаких полярных мнений
У собранья не нашлось.
И когда уже собрались
Резолюцию зачесть,
Кто-то с места крикнул в зале:
«У меня вопросик есть!
Почему в своем докладе
Наш начальник не сказал,
Что уж год гниет на складе
Ценный пиломатерьял!
Почему у нас в бытовках
Света нет и душа нет,
Почему у нас в столовке
Только щи да винегрет!
Почему прораб Старухин
Выдал липовый наряд!..»
И пошел в таком же духе
Корректировать доклад.
Сразу шумно стало в зале,
Перестал дремать народ,
Все сидели и гадали,
Кто же этот Дон Кихот,
Что так правду-матку режет,
Не стесняясь никого:
— Может, это гость приезжий
Из Госстроя самого!
— Из народного контроля
Или новый инженер!
— Братцы, это ж дядя Коля,
Наш маляр-пенсионер!
Видно, дома не сидится
Или с бабкой не в ладу,
Вот и ходит к нам трудиться
На два месяца в году!
— А зачем наш шеф такого
На работу принял в СМУ!
— Потому что шеф толковый,
Понимает, что к чему:
На своих надежды мало,
Споры, стычки и скандалы
Им с начальством не нужны,
А маляр — свободный малый,
«Человек со стороны».
Не понизят, не уволят,
Не закатят строгача —
Вот и режет дядя Коля
Правду-матку сгоряча.
Шеф запишет недостатки,
Даст приказ исправить их —
Вот разгадка той загадки,
Что наш шеф всегда в порядке,
Ну а СМУ — в передовых!

«В Ирпеньском горсобесе мне заявили: так как я пенсию не получаю, то мне и льготы не положены.

Но, товарищи дорогие, почему прямо в открытке работники собеса сразу не написали ответ, а вызвали дополнительно поиздеваться?»

(Из письма Л. Л. Касьяненко, жительницы пос. Буча, Киевской области).

МЕНЯ ВЫЗЫВАЛИ?

Служилые люди знают, что им время от времени надлежит общаться с массами. Иначе их (служилых людей, а не массы) могут обвинить «в отрыве», «утрате живых контактов» и как следствие — «забвенья интересов и запросов». Тот же служилый народ отлично усвоил, что есть по крайней мере три способа общения:

а) взять портфельчик в зубы, втиснуться в автобус и отправиться в утомительнейшее странствие по отдаленным поселкам, кварталам или микрорайонам;

б) сесть за пишущую машинку и, обложившись законами, справочниками, инструкциями, вести с гражданами и гражданками беседы по интересующим их вопросам в изящной эпистолярной форме, соблюдая по возможности правила отечественной орфографии;

в) вынуть из ящика стола казенный бланк, заполнить его, законвертовать и двинуть в экспедицию. Бланк примерно такого содержания:

«Гр-ну. . . . .
Гр-ке
С получением сего Вам надлежит явиться. . . . . .
по адресу. . . . . имея при себе. . . . .
В случае неявки. . . . .
Инспектор».

Третий способ самый быстрый и легкий. Разослал пачку вызовов и решай спокойненько актуальные задачки, выдвигаемые «Спортлото» и «Спортлото-2» или названивай приятелям, сговаривайся по поводу субботней «пульки». Красота!

Именно к этому способу прибегли в Ирпеньском горсобесе, когда получили письмо Лидии Львовны Касьяненко. Старая женщина, вдова полковника Демьяна Клавдиевича Касьяненко, погибшего в августе 1942 года под Ржевом, спрашивала в письме, может ли она пользоваться льготами по коммунальным услугам. Она сообщала также, что пенсию не получает, так как имеет трудоспособных детей. Логика подсказывала: надо для верности еще раз заглянуть в закон, сесть за машинку и дать заявительнице исчерпывающий ответ: нет, вам, мол, льготы не положены. Но вместо этого послали вызов, адресовав его почему-то... покойному Демьяну Клавдиевичу.

Можно понять чувства, которые испытывала Лидия Львовна, переступая порог собеса. Но перед ней не только не извинились, ее здесь попросту не ждали. Инспектор послала заявительницу к заведующему, тот — к инспектору, а она, в свою очередь, опять к заведующему. И лишь собравшись вместе, они почти хором сказали: «Нет!»

Может случиться так, что когда в Ирпене прочтут эти строки, то будут искренне возмущены:

— А что, собственно говоря, случилось? Ну, вызвали, ну, разъяснили... Так это у нас сплошь и рядом...

Вот именно—сплошь и рядом. Многие, у кого есть под руками казенные бланки, штампы и печати, не задумываясь, посылают вызовы, заставляют людей отпрашиваться с работы, терять время. И часто из-за сущих пустяков. Один знакомый автора, назовем его условно Глотов Василий Иванович, получил вызов в солидную организацию.

— Как поживаете, Василий Иванович, как здоровье? — вежливо спросили его.

— Спасибо, не жалуюсь.

— А как братец ваш?

— У меня сестра, брата не имею.

— Давно вернулись из Караганды?

— В глаза не видел этого города. Может, только по телевидению...

— А «Волгу» уже продали?

— Да у меня и мопеда нет...

— Правильно, не тот вы Глотов, я так и думал. И возраст ваш не тот, и место рождения не совпадает, опять же семейное положение не такое. А тот спекулянт вместе с братцем орудовал. Извините, Василий Иванович, что зря вас потревожили, несмотря на предельно ясную картину. Хотелось лишний раз убедиться. Давайте повестку, я отмечу для бухгалтерии. Чтобы вам прогул не записали.

Теперь, когда автор этих строк столь резко высказался против зряшных вызовов, он может ожидать неприятных последствий. Например, вызова в какое-нибудь административное учреждение, которых вполне достаточно возле его дома. И чтобы избежать этого, вопреки обычной практике подписывается не своей подлинной фамилией, а псевдонимом —

Фельетонист

Юрий БОРИН, специальный корреспондент Крокодила

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

Вторая сторона

У выговора, как и у медали, есть две стороны.

С одной стороны, он, конечно, не награда, но с другой — спасение. Как заметил некто опытный, выговор не тигр, с ним жить можно.

...Я летел в Палангу и перечитывал письма читателей. Читатели, они же курортники, писали примерно о том же, о чем писал «Крокодил» год назад (см. фельетон А. Ходанова «Не до кефира» в № 19). «Знаменитый курорт Паланга,— констатировал фельетонист,— за последние два года потерял первозданную прелесть. Если раньше с питанием было в ажуре, то теперь — лишь гранитные очереди у малочисленных кафе и столовых со скудным набором блюд».

«Прошел год,— писали читатели,— но почти ничего не изменилось. Все то же небольшое число кафе и столовых. Все такое же скудное меню. Все такие же гранитные очереди».

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, сказал я себе и прямо с аэродрома поехал на пляж. Я поджаривал себя на солнце, спеша влезть в шкуру нормального «дикаря»-курортника. Я храбро совал ноги в холодный рассол Балтики и жадно вдыхал терпкий смолистый воздух побережья.

Честно скажу, это было восхитительно. И в какую-то минуту мне показалось, что авторы писем не более чем брюзжащие нытики, которые всегда всем недовольны.

Но внешняя среда и внутренние потребности сделали свое дело, у меня разыгрался волчий аппетит, и я ринулся в ближайшую общепитовскую точку, надеясь на скромный обед. Что надо курортнику? Ему нужны борщ, биточки и компот, и он будет доволен жизнью.

В павильоне «Нева-2» на улице Гинтаро не было не только обеда, но даже бутербродов. Там не работал холодильник.

В павильоне «Турист-2», стеклянные стены которого обещали «Бульоны, горячие закуски, кофе», имелось только печенье. Буфетчица объяснила, что больше месяца отсутствует электричество и нечем мыть посуду.

В павильоне «Турист-3» оказались сардельки, но доступ к сарделькам был прегражден километровой очередью.

Дальше идти было некуда, ибо «Турист-3» — последняя точка на линии пляжа, после которой простирается шестнадцать километров продовольственной пустыни.

В унылой толпе курортников я обогнул женский пляж и вышел к гиганту общепита — столовой «Васара». Гигант встретил нас гигантской очередью и весьма скудным меню. Кроме того, выяснилось, что данный исполин настолько немощен, что работает не более четырех — шести часов в день. Борщ, биточки и компот постепенно превращались в фата-моргану, в мираж, в недостижимую мечту...

Однако голод не тетка, а борщ с биточками — не единственный вариант дневного рациона. Тем более, что издали манит вывеской шашлычная «Ешмас». Пусть дороже, зато реальнее.

Но тут меня ожидал сюрприз. На шампуре болтались кусочки мяса явно не шашлычного вида. Кроме того, даже на мой не очень опытный взгляд, этого мяса было маловато.

Да простит меня читатель, я пошел на конфликт. Я попросил взвесить шашлык, освободив его от шампура. Порция весила ровно вдвое меньше положенного.

Но сюрприз заключался не только в этом. Как выяснилось, в шашлычной был изобретен совершенно новый, оригинальный способ создания шашлыков: их готовили не над углями, а над паром. Пусть шашлык потеряет в качестве, зато прибавит в весе...

Вот тогда-то я и подумал о двух сторонах выговора. Этот выговор, помнится, был объявлен в прошлом году начальнику управления торговли города Паланги Ф. Стяпонавичюсу Клайпедским горкомом партии «за отсутствие должного контроля за работой отдельных предприятий торговли, имевшие в них место факты нарушений правил торговли и злоупотреблений».

Ну что ж, первое знакомство с отдельными предприятиями торговли не вызвало у меня энтузиазма. Но, может быть, эти отдельные предприятия просто случайно выпали из поля зрения тов. Стяпонавичюса, который всю свою энергию потратил на наведение порядка в других предприятиях?

Мои предположения оправдались. Начальник управления торговли действительно всерьез занимался другими предприятиями. Например, складом строительной группы.

Когда на складе обнаружилась недостача в сумме 1569 р. 44 к., Ф. Стяпонавичюс вызвал начальника стройгруппы Кубилюса и приказал ему достать материалы где угодно. Кубилюс вскинул руку под козырек и «достал» стройматериалы, состряпав при этом липовые документы.

На этом списке главбух управления Шауклис написал: «Оприходовать», а Стяпонавичюс добавил: «Согласен». Правда, председатель ревизионной комиссии Б. Мицкявичене воспротивилась, но какое это имеет значение, если приказал сам начальник управления!

Энергичными мерами недостачу быстренько ликвидировали, а завскладом В. Сакаласа уволили по собственному желанию.

Очень настойчиво занимался тов. Стяпонавичюс наведением порядка в магазине стройматериалов: десяток тонн кровельного железа исчезли и лишь с помощью милиции это железо удалось обнаружить на крышах костелов в Плунге и Кришкальнисе.

Однако наибольшее внимание Ф. Стяпонавичюс уделял подбору кадров. К примеру, в шашлычную «Ешмас» (ту самую!) на должность завпроизводством была назначена героиня многих фельетонов О. Дауётене. Туда же прибился, но уже в порядке супружеской солидарности ее муж повар-пенсионер Дауётас. Вдвоем они и открыли новый, доселе невиданный способ создания шашлыков.

Заведующей магазином № 1 продовольственного объединения «Гедра» была назначена некто Регина Буткене, которая сумела так организовать работу, что лежавшие в кладовой 500 (пятьсот) бутылок коньяка «Плиска» оказались вскрытыми. Когда ревизия обнаружила данный удивительный факт, Буткене нисколько не растерялась. Она выложила три с половиной тысячи рублей и забрала все откупоренные бутылки домой.

Ловкачи и жулики заработали с новой силой: они стали еще более нагло обвешивать, обмеривать и обсчитывать. К примеру, в июне этого года было проведено 36 контрольных закупок. В двадцати шести случаях обнаружен обман покупателей.

По поводу состояния торговли в Паланге трижды выступала газета «Советская Литва» и дважды — «Крокодил». На фельетон «Не до кефира» секретарь Клайпедского горкома КП Литвы И. Гурецкас сообщил, что Ф. Стяпонавичюсу объявлен выговор. На второе выступление (в № 1 за этот год) тов. И. Гурецкас прислал ответ, что «возвращаться вторично к рассмотрению... нет оснований». Видимо, секретарь Клайпедского горкома партии считает, что выговор, объявленный Ф. Стяпонавичюсу в минувшем году, надежно, подобно панцирю, заслонил его от критики и от контроля его деятельности.

Как видим, выговор вовсе не такая уж плохая штука!

Литовская ССР.

— До нового урожая, мамочка.

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА

Н. ГАВРИЛОВА

С видом на море

Ранним солнечным утром Тихон Николаевич Востриков сошел на перрон одного из приморских городов. Сошел и ахнул. Неописуемой красоты картина открылась его взору: вокруг благоухали необыкновенно пышные цветы, могучие, широколистые деревья щедро дарили узорчатую тень, а в золоте солнечных лучей нежилось и тихо плескалось прозрачно-голубое море. Казалось, вот-вот — и оно вынесет на берег Афродиту. Между прочим, несколько Афродит в умопомрачительных бикини уже разгуливали по берегу.

Голова пошла кругом.

«Уж не в раю ли я?» — подумал приезжий. Но тут же отверг это предположение, ибо, будучи человеком трезвым в оценке своих поступков, Востриков прекрасно сознавал, что если и существует загробная жизнь, то ему-то уж гореть в геенне огненной. И потому, лишенный гарантий относительно благополучия в мире ином, пытался как можно лучше устроиться в этом.

«Дурак! — мысленно выругал себя Тихон Николаевич.— Где я был раньше?!»

И прибавил шагу к квартирному бюро.

Вскоре он уже стоял у калитки уютного дворика Феклы Ивановны Сивцевой и вежливо осведомлялся:

— Это у вас сдается комната?

— У нас, у нас,— последовал радушный ответ.

Предложенное жилище произвело на новоявленного курортника приятное впечатление. Наскоро определив свои пожитки, он поспешил к лазурному берегу, в царство Афродит. А еще через несколько дней, вконец плененный окружающими красотами, Востриков решил навсегда кинуть якорь в сей благодатной гавани. Лежа на топчане и перебирая в памяти дни своей бурной и далеко не безгрешной жизни, он справедливо констатировал, что отрадного в ней было мало: как в калейдоскопе мелькали лица доверчивых женщин... Вечный страх перед судебными исполнителями гнал его в самые отдаленные и суровые уголки страны. Увы, возмездие настигало и там. Так разве не заслужил он лучшей участи хотя бы теперь? Но как открыть врата рая? Может быть, попробовать старые, испытанные ключики? А почему бы и нет? «Любви все возрасты покорны» — это еще Пушкин утверждал...

Наконец возник блестящий план операции под кодовым названием «Черное море — мое». Роль ключика в ней отводилась квартирной хозяйке Вострикова Фекле Ивановне Сивцевой — женщине хотя и не первой молодости, но еще полной жизненных сил и не лишенной привлекательности.

Внимательно приглядевшись к своей избраннице, новоявленный стратег заметил такую положительную черту ее характера, как домовитость, стремление к уюту и порядку. А потому как-то с утра пораньше, вооружившись молотком и другими инструментами, стал ловко орудовать возле покосившегося заборчика; затем заделал брешь в сарайчике и даже заново перекрыл толем туалет.

— Отдыхали бы лучше, Тихон Николаевич! — пыталась остановить не в меру ретивого постояльца хозяйка.

— А это и есть для меня лучший отдых,— весело отвечал тот.

Забегавшие «на минутку» к Сивцевой соседки Варвара Степановна и Антонина Михайловна только руками разводили и с завистью приговаривали:

— Вот уж, право дело, дом хозяином держится.

И Тихон Николаевич все увереннее стучал молоточком, прочно завоевывая симпатии одинокой женщины.

Вечерами хозяйка и квартирант сиживали на веранде, увитой виноградной лозой, и, прихлебывая чаек с кизиловым вареньем, вели задушевные беседы.

— Что же, Фекла Ивановна, так и живете одна? — спрашивал Тихон Николаевич.

— Так и живу,— отвечала она.— Детки выучились, обзавелись семьями и разъехались. Вот соберу за лето копеечку,— строила планы Сивцева,— зимой поеду к ним погостить, внучатам подарочков повезу.

«Ничего себе копеечка»,— мысленно отметил Востриков, прикинув в уме доходы Феклы Ивановны с трех коек, сдаваемых «дикарям».

— А вы что же, Тихон Николаевич, так и не свили своего гнездышка?

— Нет, не свил,— отвечал тот, сокрушенно вздыхая,— не повезло мне: всю жизнь видел от женщин одну черную неблагодарность.

И в общем-то он был недалек от истины, ибо эти самые женщины никак не могли понять мятежную натуру Вострикова, его переменчивый нрав и даже пытались упрятать за решетку за неуплату алиментов.

И вот однажды таким пряным от аромата магнолий вечером Тихон Николаевич предложил своей собеседнице соединить их одинокие судьбы. Та было заколебалась, решила посоветоваться с подругами.

— Что ты сомневаешься! Вдвоем легче век коротать... Будет кому в трудную минуту кружку воды подать...— успокоили ее Варвара Степановна и Антонина Михайловна.

И согласие было дано.

На сей раз, изменив своим правилам, Тихон Николаевич настаивал, чтобы все было по закону, и чрезвычайно обрадовался, когда в его паспорте появился штамп о браке, а вслед за ним и штамп о постоянной прописке в Н-ске.

Однако уже в конце первого месяца супружеской жизни между молодоженами пробежала черная кошка. Тихон Николаевич из обиженного судьбой, облагодетельствованного человека молниеносно превратился в хозяина положения. Выбрав себе бо́льшую и лучшую комнату с видом на море, он заявил Фекле Ивановне, что жить они будут по-современному — каждый в своей комнате. Он активно начал внедрять прогрессивный образ жизни, предоставляя полнейшую свободу действий своей супруге и, естественно, ни в чем не ограничивая себя. А когда Фекла Ивановна робко заикнулась о деньгах на хозяйственные расходы, он и вовсе рассердился. Возмущенный, он заявил супруге, что женился вовсе не на ней, а на Черном море, и потому пусть она впредь ни на что не рассчитывает.

Фекла же Ивановна вместо того, чтобы все сразу уяснить и удовольствоваться своим положением, начала бунтовать, упрекать мужа в нечестности, обозвала проходимцем и в результате довела беднягу до такого состояния, что тот применил в споре физическую силу. На крик сбежались Варвара Степановна и Антонина Михайловна... Короче говоря, дело дошло до развода еще быстрее, чем до женитьбы.

Народный суд признал брак гражданина Вострикова с гражданкой Сивцевой недействительным в соответствии с Кодексом о браке и семье по ст. 43 и 44 на том основании, что ответчик, вступая в брак с истицей, намерен был вовсе не создать семью, а приобрести определенные права — прописку и жилплощадь в Н-ске. С расторжением же брака ответчик терял все эти права.

Осознав, что слишком поспешно раскрыл истинные цели предпринятой операции, Востриков отчаянно отвергал выдвинутое обвинение и даже привел в суд своего свидетеля, соседа напротив, испытанного партнера по игре в преферанс. Тот подтвердил, что сам видел, как Тихон Николаевич поправлял в палисаднике у Феклы Ивановны забор и перекрывал толем туалет, а потому-де имел самые серьезные намерения относительно дальнейшей совместной жизни с истицей.

Однако суд не принял его показания во внимание. Не возымели действия и кассационные жалобы Вострикова в высшие инстанции на якобы предвзятое решение народного суда.

Обивая пороги различных инстанций, Тихон Николаевич познакомился с Сидором Петровичем Гуцало. В их судьбе оказалось много общего. Прельстившись красотами Н-ска, Гуцало женился на 65-летней Евгении Петровне Тютиной. Но уже на второй день женитьбы, будучи человеком прямолинейным, решил поставить все точки над і. Сидор Петрович обозвал свою супругу лягушкой и популярно объяснил, что в их брачных отношениях имеет смысл только его прописка в Н-ске.

И что ж? Гуцало так же скоропостижно, как и Востриков, был изгнан из рая.

— Неблагодарная,— жалуется Петр Сидорович на Евгению Петровну,— я из-за нее в Красноярском крае третью жену бросил. Ох уж эти женщины!..

Теперь Востриков и Гуцало объединенными усилиями продолжают добиваться торжества «попранной справедливости». Пишут кассационные жалобы, гневные письма в редакции газет и журналов, обливая грязью своих несостоявшихся жен. Но письма эти, как и следовало ожидать, не вышибают слезу у сотрудников редакции.

Конечно, обидно за тех, кто попадается в сети подобных проходимцев. Но справедливости ради нужно заметить, что жертвы порою и сами во многом виноваты. Однако вместо того, чтобы признать свою излишнюю доверчивость, неосмотрительность, они предпочитают обвинить во всем закон, представляя его себе не иначе, как в образе всевидящего ока господнего, должного беречь их от «коварной» любви и опрометчивых проступков.

«Я шестая жена К.,— пишет в редакцию М. К. из Ростова-на-Дону.— Всех пятерых жен он избивал, вымогая у них деньги на свои удовольствия. Та же участь постигла и меня. До каких пор закон разрешит К-кому жениться и разводиться?»

А до каких пор женщины будут верить этому человеку? И если наглядный пример пяти предшественниц М. К. не предостерег ее, то что тут мог сделать закон?

История любви А. П. носила и вовсе не обычный, романтический характер. С кандидатом в мужья ее познакомили заочно. Два года переписки, жарких объяснений в любви плюс солидные суммы на «устройство гнездышка», передаваемые ею будущему супругу через доверенное лицо. В результате — ни «гнездышка», ни мужа, ни денег, только пачка любовных писем, по которым следователь должен разыскать мошенника. Задача не из легких! Но А. П., сгорая от нетерпения, обвиняет юристов в медлительности...

А вот еще одно письмо:

«Хочу знать, есть ли на свете закон или он только на бумаге. Мой муж за 18 лет три раза бросал меня и три раза женился. Одна жена в Горловке, вторая в Соше, третья в Воронеже. И вот бросил в четвертый раз с четырьмя несовершеннолетними детьми...»

Да, конечно, незавидная судьба у этой женщины. Но при чем тут закон? Закон по-прежнему строго стоит на страже моральных норм нашего общества. Для проверки чувств вступающих в брак он устанавливает месячный испытательный срок, всячески старается помирить супругов, расторгающих брак, наказывает родителей, уклоняющихся от уплаты алиментов, карает мошенничество. Но никакой закон не может уберечь женщину или девушку от чрезмерной доверчивости, опрометчивого шага, возместить им моральный урон, вернуть утраченные надежды.

ШЕФСКИЙ ЗАПЛЫВ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Им. ЛЕВИН,
специальный корреспондент Крокодила

ПОД ЗЕМЛЕЙ И НА ЗЕМЛЕ

Семья советских метрополитенов ждет прибавления. 23 августа рождается шестой ребенок. На этот раз в Харькове. Длина малыша — десять с половиной километров. Почти столько же было когда-то у его старшего брата — москвича.

Но километр километру рознь.

Младшего от старшего отделяют сорок лет — целая эпоха. Иная техника, иные материалы, иные методы и приемы. Даже вкусы иные. В архитектуре, отделке, освещении...

Талантливый харьковский хлопец взял все лучшее от пяти своих братьев и помножил на современный опыт.

Нет и в помине наземных вестибюлей. Людской поток потечет прямо из подземных уличных переходов. На любой станции путь турникет — вагон займет три минуты.

Правда, у нас на станции «Советская» спуск занял минут десять. А может, пятнадцать. Ну, во-первых, шагали мы по эскалатору пешком. А во-вторых, признаемся, смотрели по сторонам на симпатичных дивчин.

Правда, дивчины никуда не проплывали, а работали. В робах, касках. Словом, выглядели вот так:

Знакомьтесь: Нина Байдалова — стволовая, камеронщица и так далее (у нее еще несколько смежных специальностей). И одновременно трижды пионер: Абакан — Тайшета, Вахшской оросительной системы и Харьковского метро.

Впрочем, таким званием тут никого не удивишь. Есть и четырехкратные и даже пятикратные пионеры. Почти каждый из двух с половиной тысяч строителей метро — зачинатель великих, средних и малых строек. Что ни биография, то география!

Но, к сожалению, не каждую строчку о буднях метростроителей можно закончить восклицательным знаком. Иной раз приходится пользоваться услугами и вопросительного. На стройке он многолик: от невидимых невооруженным глазом недоделок до видимых всем переделок.

Хотя, скажем прямо, разгуляться этому «?» на стройке не так-то просто. Его давят, жмут, разгибают в знак восклицательный и делают это по-ударному, по-стахановски, по-злобински.

Недаром же финишная лента разорвана грудью метростроевцев на несколько месяцев раньше срока.

И все же есть, есть вопросы, стоящие на поверхности и в прямом и переносном смысле.

Как, например, понять, что до сих пор метростроевцы (а работают они здесь уже семь лет) не имеют ни своих детских учреждений, ни спортбазы, ни Дома культуры (его роль пока выполняют красные уголки), ни профилактория, ни базы отдыха?..

Нет, конечно, пускают их к себе в пионерлагеря, на стадионы, даже на загородные базы добрые дяди с других предприятий. Но сначала доброго дядю нужно найти. А во-вторых, у каждого дяди своих забот полон рот...

Так неужто харьковский хлопец в метростроевской робе такой уж безнадежный сирота?

Ничего подобного. Родитель его весьма солиден. Это — Министерство транспортного строительства СССР. Кстати, кроме метростроевцев, у министерства в Харькове еще двое подопечных: Южтрансстрой и Южтранстехмонтаж, которые тоже пока стучатся в двери добрых местных дядей. Так, может быть, есть прямой смысл скооперироваться?

Многого ждут метростроевцы и от самого города. Слов нет, ударной стройке здесь по-настоящему помогают: людьми, техникой, оборудованием, научными изысканиями. Однако ударное внимание нужно не только стройке, но и строителям, людям в касках, когда они эти каски снимают и шагают по земле, обогреваемой солнцем и обдуваемой ветрами.

Метро — это такая стройка, у которой есть только начало. Вот и тут — через три года вступит в строй второй участок первой очереди, еще восемь километров. Разрабатывается технико-экономическое обоснование второй очереди. Есть наметки и на третью...

А пока от души поздравим харьковчан. Они отмечают свой прекрасный праздник — 32-ю годовщину освобождения города от фашистских захватчиков — залпом из восьми сверкающих станций под алой буквой «М».

г. Харьков.

Рисунок специального корреспондента Крокодила Е. ГОРОХОВА.

М. ВИЛЕНСКИЙ

ЛЮБОВЬ КОРРЕКТОРА ЩУКИНОЙ

Корректор Щукина лежала на пляже и вздыхала, положив щеку на скрещенные худые руки. Она вздыхала, потому что лежбище пляжных котиков не желало вобрать ее в свое болтливое, вольное на язык сообщество. Котики валялись под красным парусиновым навесом шагах в пятнадцати от Щукиной. То была публика от двадцати до шестидесяти, юные и взрослые, мужчины и женщины, и все чем-то между собой родственные. Они лениво рассказывали анекдоты, лениво усмехались, крутили транзисторы, перекидывались в картишки, шелестели журналами, договаривались, где и что выпить перед обедом и чем заняться после ужина. Котики казались одной семьей. Может быть, оттого, что они были из одного дома отдыха «Бирюзовая волна» и успели сдружиться.

Неделю назад корректор Щукина — она приехала «дикарем» — сунулась было к ним, но не прижилась. Господь, которого мы теперь называем природой, недовложил в Щукину масла и сахара. Она не умела смеяться чужим шуткам. Может быть, поэтому никто с ней не заговорил. А вчера, лежавшая неподалеку женщина с красивым полным телом, с полными ярко накрашенными губами и в огромных, в пол-лица зеркальных очках, за которыми не видно было глаз, неторопливо, с хрипотцой рассказала анекдот, использовав при этом два слова, не включенных в орфографические словари. Вокруг одобрительно захохотали. И тут корректор Щукина не выдержала и высказалась:

— А еще, наверное, культурной себя считаете. Интеллигентка!

И гордо перебазировалась со своим полосатым полотенцем подальше.

Кто-то бросил Щукиной в спину:

— Где уж ей до культуры! Кандидатскую с грехом пополам защитила.

И котики опять лениво заржали.

Щукина осмотрелась на новом месте и увидела поблизости белого человека. Мужчина был бел до изумления, даже как-то непристойно бел. Хороший, крупный, молодой мужчина в черных сатиновых трусиках, белый, как молоко, лежал прямо на песке, без подстилки, без полотенца, без книги, без транзистора, без всего того, что положено иметь современному пляжнику при себе, на себе и под собой.

Корректор Щукина почувствовала, что сама судьба возлагает на нее почетную миссию — цивилизовать дикого белого человека и приобщить его к Великому Пляжному Этикету.

— Вы что, с ума сошли? Вы так сгорите! — прикрикнула Щукина на белого человека.

Тот нехотя повернул голову — к щеке его пристал седой песок — и бегло глянул на Щукину.

— Вы сами-то загорелые, а я что, хуже?

— «Вы загорелые» — это манерная, устаревшая форма употребления прилагательного с местоимением «вы» в единственном числе. Правильно надо сказать «вы загорелая». Так вот, я загорела постепенно, а у вас плечо пылает. Хотите, я смажу кремом?

И не дожидаясь согласия, она вынула из сумки затисканный тюбик и выдавила на палец белую колбаску.

— Ну, колоссально! — блаженно пробормотал мужчина, когда пальцы Щукиной мягко заскользили по его плечу и лопатке, размазывая холодящий жир.

— Оценочные слова типа «блеск», «колоссально», «железно» — это жаргонизированная лексика, нарушающая нормы литературного языка.

— Учительницей работаете? — Парень перевалился с боку на живот, подставляя ей всю спину. Щукина выдавила из тюбика еще одного белого червяка и расширила зону операций.

— Нет, я издательский корректор, а с ноября буду младшим редактором.

— Как тебя звать, корректор?

— Звать — это просторечие. Лучше «как тебя зовут». Меня зовут Ираида, а для близких людей — Ира. А вас... тебя как величать прикажешь?

— Михаил. Я тракторист. Вологодские мы будем.

У Щукиной мелькнула мысль, что она неприлично долго водит пальцами по голому торсу совершенно незнакомого мужчины. Но мысль эта не потрясла и нисколько не устыдила ее. Радостное чувство овладения огромным, нежданно найденным живым кладом охватило ее. Этот парень мог стать, да нет, уже стал, раз он так охотно и благодарно принимает ее заботу, ее собственностью. Он такой сильный, теплый, добрый, большой — он принадлежит ей, ей! Это ли не блестящий реванш за поражение у противных, развязных котиков!

— Пошли, Миш, купаться! — сказала Щукина вполне семейным тоном.

Она резво поднялась и стала тянуть его за руку.

Кисти рук его были бурые до запястья, словно в перчатках, пальцы заскорузлые, в черных царапинках. И когда он поднялся, на груди у него обнаружилось бурое треугольное декольте — полевой загар, полученный где-то там, далеко, где он пашет, сеет, убирает.

Корректор Щукина ужасно развеселилась, она смеялась и плескала в Михаила водой, а он — в нее. Она торжествуя посмотрела на лежбище котиков — они там посмеивались, кривя рты. Она догадалась над чем — над его сатиновыми трусами.

— Миша, тебе необходимо купить плавки. Сатиновые трусы — это прошлый век. Я тебе помогу выбрать.

Они вышли из воды. Михаил надел майку, белую нейлоновую сорочку, черные брюки, носки, завязал шнурки на черных туфлях на микропорке.

— И, кстати, джинсы и какая-нибудь белая кепочка тебе бы тоже не повредили. Чтобы они не скалили зубы. — Щукина кивнула в сторону парусинового навеса.

Михаил тоже посмотрел туда и сказал:

— Городской континент.

— Контингент. Континент, Миша,— это крупный участок суши, площадью не менее нескольких миллионов квадратных километров, окруженный со всех сторон океаном.

Тракторист, застегивая рубашку, продолжал смотреть под навес.

— Вроде все из моей «Бирюзовой волны». Я их за завтраком видел.

Щукина потянула его за руку...

— Пошли, а то палатки закроются на обед.

Они переходили от палатки к палатке, закупая курортную экипировку — джинсы, шорты, сандалии, сомбреро, плавки. Щукина сама прикидывала на него покупки, сладко ощущая себя хозяйкой этого большого, бесконечно ей милого белого слона.

Они договорились встретиться после ужина у входа в «Бирюзовую волну». Не чуя ног под собой от счастья, Щукина побежала в столовую самообслуживания, где подкрепилась шницелем рубленым с макаронами, а оттуда помчалась домой.

Она снимала койку у хозяйки покосившегося домика в горбатом переулочке. Домик стоял в наклонном садике среди груш и виноградных кустов, больше похожих на деревья. В самодельных кривых клетках, сооруженных из старых ящиков и ржавой проволоки, уютно кудахтали несушки. На дорожке, развалившись, кейфовала мелкая безвредная дворняжка Тишка. Тишка привык к бесконечной череде квартирантов и давно уже махнул хвостом на свои сторожевые обязанности. Щукина перепрыгнула через пса и вбежала в прохладную тьму домика.

В комнатке стояли три раскладушки, застланные голубенькими пикейными покрывалами. Здесь жили еще ленинградка Галя и Нина Владимировна, мудрая дама из Харькова. Сейчас они сидели на койках и ели черешню из одной тарелки.

Щукина ворвалась в комнату и с разбегу обняла и расцеловала Галку.

— Все ясно,— сказала Нина Владимировна. — Состоялось. Как зовут нашего избранника?

— Миша.

Щукина порывисто чмокнула Нину Владимировну.

— Тише, девочка, тише. Вы хотите, чтобы я подавилась косточкой? Ешьте черешню и экономьте эмоции для вечера.

Вечером в условленный час Михаил вышел из главного корпуса дома отдыха. Они прошлись по набережной, выпили у ларька сухого вина и по крутой извилистой аллее стали взбираться в гору. Михаил рассказал, что его путевка — премия за победу в зональном конкурсе трактористов и что с курорта он попадет аккурат на уборочную.

Они сели на скамью. Внизу, скрытое ветвями кустарника, мерно накатывало теплое море. Луна чеканно круглилась на небе, как гербовая печать на справке, выданной человечеству в том, что счастье действительно существует и отпускается гражданам в неограниченных количествах в тару заказчика.

Михаил раскинул обе руки по спинке скамьи. Правая его рука тянулась за плечами Щукиной, но он, однако, не обнимал ее. Тогда, ускоряя ход неизбежных событий, Щукина сама приникла к нему, и рука тракториста автоматически притянула ее.

— Местность у нас трудная, — сказал Михаил.— Большие площадя заняты валунами.

Щукина учащенно задышала и, млея от счастья, пролепетала:

— Площади, а не площадя, Мишуня. — И уже с закрытыми глазами, протягивая ему губы для поцелуя, добавила: — Площадя — ненормативное употребление, милый!

Тут же ее плечу стало неприятно легко и пусто. Михаил убрал руку и сказал сухо:

— Опять нáчала?

— Не нáчала, Мишунь, а началá!

— Площади или площадя, нáчала, началá — это все не играет значения.

— Ты хочешь сказать «не играет роли».

— Что хочу, то и ворочу.

Он встал со скамьи и потянулся с хрустом.

— Ну, покедова. Пойду спать. В поезде спал плохо.

— Миша, Мишенька, ну еще рано. Прошу тебя, посидим.

— А чего сидеть? Я буду сидеть, а ты меня обратно будешь учить?

Корректор Щукина четко осознала, что ее счастье висит на волоске и что волосок этот вот-вот лопнет, но она ничего не могла с собой поделать.

— В данном контексте надо употреблять не «обратно», а «опять» — «Ты опять будешь меня учить».

Михаил уже шагал с ускорением вниз по аллее, а Щукина семенила рядом и продолжала объяснять:

— Ведь ты же не скажешь «обратно покойника несут»?

— Какой покойник?! Чего мелешь? — И лицо его, алебастровое в лунном свете, смотрело недобро.— В общем, мне налево, тебе направо, ясно?

Пошатываясь, корректор Щукина добрела до своего домика и толкнула скрипучую калитку. Дважды тявкнул для порядка кабыздох Тишка, сонно заквохтали в проволочной клетке дуры-хохлатки.

Щукина проскочила в свою комнату, бросилась на пикейное покрывало и беззвучно зарыдала в подушку.

— На курорте не плачут, девочка,— сказала из темноты Нина Владимировна. — Здесь меняют объект.

Утром, когда новый шикарный сине-бело-золотой день сквозь листву виноградника заглянул в окно, корректор Щукина решила бороться за свое личное счастье до конца.

Она отправилась в парикмахерскую, сделала маникюр и педикюр и покрасила голову, превратившись в платиновую блондинку. Лишь за час до обеда она смогла наконец выйти на пляж. На прежнем месте тракториста не оказалось.

Щукина перевела взгляд на лежбище ненавистных котиков, и ледяной сквознячок дохнул ей в грудь. Михаил в сомбреро и новых зеленых плавках с черной рыбкой на боку — в тех самых, что она ему вчера выбрала, — возлежал в центре городского контингента и, размахивая рукой, о чем-то увлеченно рассказывал. Публика внимала ему весьма уважительно и серьезно. Пышнотелая кандидатка, подперев ладонью голову, лежала на боку, обратив к Михаилу свой роскошный фасад, скромно, без излишеств, декорированный двумя полосками ткани. Зеркальных фар на ней не было.

Побежденная, разбитая наголову Щукина обратилась в паническое бегство. На этом пляже ей делать было нечего, и она поспешно ретировалась на соседний. Там она подстелила свое полосатое полотенце, сбросила халатик и достала из сумки синий томик с золотым тиснением — свою самую любимую книгу. Эта книга развлекала ее, успокаивала, служила душевной опорой в трудные минуты. Из этой книги она черпала самоуважение. Щукина могла бы сказать словами классика: «Всем лучшим во мне я обязана книге», — имея в виду именно этот томик с золотыми буквами на синем переплете: «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник».

Но даже волшебный справочник сейчас не исцелял. В душе саднило. Пальцы вспомнили гладкость большой сильной белой спины, и Щукина чуть не застонала с досады.

В обед она потыкала алюминиевой кривой вилкой в шницель рубленый и поплелась к себе. До вечера она пролежала носом к стенке, разглядывая комбинации пятен на обоях, и не встала к ужину.

— Нет, так не годится, девочка,— сказала Нина Владимировна.— Жить — значит бороться. Поэтому вот вам боевые доспехи, берите и бросайтесь в контратаку.

Щукина обернулась. Нина Владимировна протягивала ей пушистую бледно-сиреневую мохеровую кофту.

— И платформы мои возьми, — сказала Галка в порыве женской солидарности.

Щукина благодарно улыбнулась. Непреодолимая сила потянула ее на горную аллею, к той самой скамье. Зачем она шла туда, на какое чудо надеялась? Она сама этого не знала и просто шла и шла вверх по аллее, не занимаясь самоанализом. Может быть, она хотела посидеть на скамье и мысленно проиграть вчерашнюю сцену, но в иной редакции, с другим, счастливым концом?

Где-то внизу, за кустами и деревьями бестолково и злобно шумела именуемая морем бескрайняя лужа соленой воды. Перламутровый кружок, бездушный, как истертый гривенник, нырял в драные тучи.

Вдруг Щукина услышала мужской голос и женский смех.

Аллея делала последний поворот к скамье. Щукина выглянула из-за скалы. На скамье сидели двое. Михаил обнимал прильнувшую к нему кандидатку наук и говорил:

— Я обратно ее прошу по-хорошему: «Да перестань ты меня поправлять на каждом слове». А она одно: «Мишýня, говори нормативно!» В общем, так она ничего и не пòняла.

— Понялà, понялà! — крикнула корректор Щукина и побежала вниз по аллее.

Галкины платформы скользили. Гравий трещал и катился из-под ног.

Жизнь продолжалась.

Рисунок М. БИТНОГО

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ЛЮБИМЦЫ ФОРТУНЫ»

В фельетоне под таким названием («Крокодил» № 11) рассказывалось о неправильной практике месткома ПАТП-6 г. Шевченко в распределении путевок, материальной помощи и т. п. Тем не менее проводимые ревизии нарушений не находили. А те, кто этим возмущался, к примеру, старший бухгалтер групкома А. Спотарь, были уволены.

Как сообщает секретарь Казахского республиканского Совета профсоюзов В. Загорский, президиум Мангышлакского облсовпрофа признал критику правильной. За нарушение финансовой дисциплины, беспорядок в распределении путевок председателю месткома Ю. Ковалеву объявлен строгий выговор. За халатное отношение к проведению ревизии заместителю заведующего финотделом облсовпрофа С. Джумагазиеву и председателю объединенного комитета профсоюза рабочих автотранспорта и шоссейных дорог С. Жалтырову объявлены строгие выговоры. Старший бухгалтер А. Спотарь на работе восстановлена.

«МИМО ВОРОТ»

В заметке под таким названием («Крокодил» № 16) рассказывалось о том, что для доставки срочного груза самолетом из г. Губкина в г. Первоуральск понадобился месяц.

Заместитель начальника Управления перевозок и коммерческой эксплуатации Министерства гражданской авиации тов. А. И. Дияжев сообщил редакции, что длительная задержка в доставке груза произошла по вине работников грузовой службы Быковского аэропорта.

Начальником Управления гражданской авиации центральных районов, которому подчинен аэропорт Быково, издан приказ, направленный на исключение подобных случаев и повышение ответственности работников аэропортов за своевременную доставку грузов по назначению.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

ПРОДАЕТСЯ ГЕРОЙ-ЛЮБОВНИК

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ

За всякой надобностью люди приезжают в Москву: что-то согласовать, пробить, подтолкнуть, обменяться опытом, в музей сходить, сукна на пальто набрать, друга навестить, веники продать, награду получить, в библиотеке поработать, мази от пшенной болезни купить, людей посмотреть, себя показать...

Посмотреть людей приезжают и режиссеры провинциальных театров, задумавшие немного обновить или пополнить свою труппу.

Себя показать прибывают в столицу актеры из разных городов, желающие сменить место работы и жительства. Мало ли к тому бывает причин! Отказали в главной роли, жена стала заглядываться на осветителя, второй год не дают обещанную комнатуху, пошатнувшееся здоровье требует более мягкого климата, примелькался местным театралам, наконец, просто надоел и стал казаться нудным городок из тысячи домов.

Так было всегда.

В середине прошлого века «сборным пунктом» приезжавших в Москву провинциальных актеров была так называемая Белая зала в гостинице купца Барсова, на площади Большого театра. Собирались в ней актеры обыкновенно в течение великого поста, получали здесь ангажементы и расходились до следующего поста по всему лицу Российского государства»...

Так в свое время писал актер и литератор Иван Федорович Горбунов.

Актеры наших дней сначала собирались под элегической сенью тополей в саду имени Баумана, затем их пристанищем стал клуб обувной фабрики в Сокольниках, нынче им отведен Центральный дом работников искусств. Факт перебазировки в ЦДРИ отраден. После ряда выступлений прессы Министерство культуры РСФСР как бы признало, что актеры все же скорее сродни работникам искусств, чем сапожникам. Но, кажется, дальше этого признания не пошло дело.

Итак, актер, желающий сменить место работы, прибывает в Москву. Прибывает на свой страх и риск. В родимом театре он не мог испросить командировку в Москву на предмет подыскания более хорошего места..

С вокзала наш актер звонит своему более удачливому (а может быть, более способному!) сокурснику, которому при распределении удалось зацепиться в Москве. Физиономия сокурсника частенько мелькает в телевизионных передачах, его голос узнается в радиопостановках и мультфильмах. То он озвучивает Старый диван, то Корнишончик, а то говорит «кхе-кхе!» за червивый Подберезовик... Удачливый сокурсник начинает по телефону разводить какую-то кислятину относительно ремонта квартиры и беременности жены. Но наш актер понимает, что это обычные уловки, нацеленные на то, чтобы лишить его вида на ночлег. И если уж пасовать перед такими пустяками, стоило ли ехать пытать счастья в столице. Потому, купив бутылку со звездочками, наш актер все-таки едет к сокурснику. Тут, естественно, выясняется, что упомянутый ремонт уже закончен, а упомянутая беременность, похоже, еще не началась. Короче, после пары рюмок хозяева добреют и кладут нашему актеру тюфячок в теплую, пахнущую бадузаном ванну. Спит актер крепко. Актеру снятся ослепительные бенефисы Прова Садовского, Силы Сандунова и очаровательной Варвары Николаевны Асенковой... Утром актер воровато бреется хозяйским «вилкинсоном», замазывает сливочным маслом порезы на мятом лице и спешит на Пушечную, 9, в ЦДРИ, где помещается современная Белая зала, именуемая в просторечии «актерской биржей», а на языке Министерства культуры РСФСР и ВТО «консультационным пунктом».

А пока наш актер летит туда, давайте подумаем, почему именно актеры съезжаются ежегодно в Москву? Почему аналогичной биржи нет, скажем, у ветеринаров, водолазов, закройщиков или инженеров? Да, видимо, потому, что принять на службу инженера можно, полистав его трудовую книжку и ознакомившись с дипломом. Там все сказано: и какой балл означенный специалист имел в вузе по сопромату, и что он смыслит в интегралах, и какие остроумные рационализации на его счету. Взять же в труппу человека, которому ты собираешься поручить главную роль в бессмертной трагедии, не заглянув человеку в глаза, не поговорив с ним, по меньшей мере опрометчиво. Тут мало знать, что в училище он имел пятерку по сценической речи и сносно фехтовал. Тут совершенно недостаточно прочесть пожелтевшую газетную заметку, в которой сказано, что данному артисту, удачно дебютировавшему в роли Пятого рака в детской сказке, поручена роль Лешего в этой же сказке. Дотошному режиссеру хочется убедиться, что сейчас актер находится в хорошей форме, что у него не оторвано ухо, что он, наконец, приятный и неглупый человек. Все это и должно, по идее, проясниться при личном свидании актера с режиссером. Свидание это необходимо, возражать против него глупо, и вопрос заключается лишь в том, как это свидание организовано.

Итак, наш актер примчался на Пушечную, 9. Здесь его встречает толпа таких же, как и он, драматических художников из провинции. Следуют объятия, поцелуи и возгласы: «Тыща лет!» Бесподобные в студенческом прошлом Ромео и Нины Заречные бодрятся друг перед другом, делая вид, что заглянули сюда проездом. Так, повидать знакомых. Однако что-то заставляет их всех тесниться у доски, на которой нынешние гоф-маклеры от Всероссийского театрального общества вывешивают свои «биржевые ведомости». Тут наш актер наталкивается на совершенно исключительные откровения.

Театру требуются: Гамлет, Егор Булычов, молодая героиня, молодой герой, герой-любовник 2-й категории, простак, социальный герой, зав. литературной частью, зав. постановочной частью, главный художник, гример, режиссер...

Читая такое, любой невольно задумается, а стоит ли данному театру вообще затеваться с постановкой Шекспира или Горького, если у него нет, кажется, ничего, кроме стен с рядами стульев?..

Но актерам, приехавшим на «биржу» торговать своим талантищем, не до иронических размышлений. Все они находятся в некотором напряжении, поскольку неизвестно, в какой момент и откуда может появиться тот самый режиссер, которому недостает для осуществления его грандиозных замыслов именно такого актера или актрисы.

И режиссеры появляются. Актеры готовы к этому. Готовы физически и морально. Лица актрис под режиссерским взглядом застывают в самых обаятельных улыбках. Выверенность жестов, косметики и туалетов делает честь их сценической интуиции. Боже мой, посмотрела бы сейчас галерка на своих любимцев, которым она рукоплещет под закрытие занавеса! Но галерка не увидит их в этой роли никогда. Сейчас эта маленькая драма играется только для одного режиссера. Наш актер и какая-то пунцовая актриса с готовностью отвечают на пустяковые вопросы режиссера, пытаясь угадать, кем они привиделись ему в будущей постановке, и по возможности не испортить впечатления. Они знают, что после беседы и беглого ознакомления с рецензиями, характеристиками и фотографиями, которыми перенабиты актерские карманы и сумочки, режиссер выяснит у сведущих людей, «употребляет» актер или «в меру» и не тащит ли пунцовая шатеночка за собой бездарного мужа. Это и решит дело.

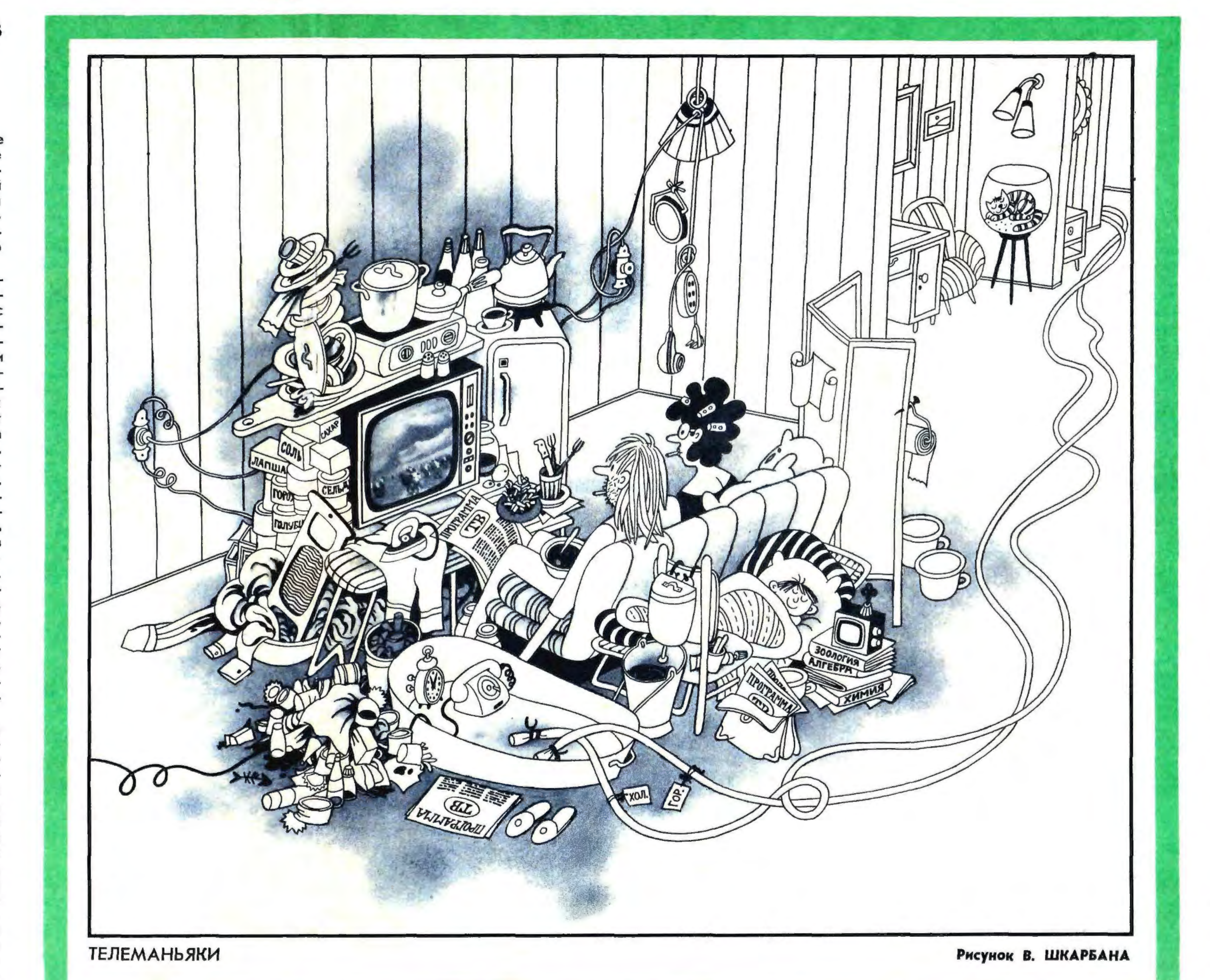
А пока что в беседе выясняется, что нашего актера зовут не Михаилом Ульяновым и не Евгением Евстигнеевым. Милая пунцовая актриса тоже оказывается не Алисой Фрейндлих и не Юлией Борисовой. Впрочем, и режиссер не Равенских и не Товстоногов. Знаменитости, так хорошо знакомые всем по сцене и экрану, не толкутся на «бирже». Но, кто знает, может быть, в недалеком будущем и эти провинциальные артисты смогут во всю мощь раскрыть свое дарование? А если даже это и не так, все они беззаветно любят театр и готовы служить ему до последнего часа. И уж за одно то, что они несут искусство в самые отдаленные уголки сквозь неустроенность своего быта, сумятицу гастролей, лихорадку частых премьер, тяготы выездных спектаклей, за одно это им всем надо поклониться в пояс.

Но о чем мы тут толкуем, когда нет организации, занимающейся постоянно и планомерно трудоустройством актеров, когда это дело пущено на полный самотек, как во времена частных театриков и антреприз.

И потому не исключено, что на первой же репетиции режиссер обнаружит, что на «бирже» он получил в смысле актерского материала совсем не то, что ему мечталось.

Не исключено, что и актер, в свою очередь, едва перешагнув порог нового театра, может почувствовать, что сулили-то ему совсем не то. И жилищно-бытовые условия позначительней, и репертуар позатейливей, и городок посимпатичней.

Не исключено, что в следующем году и режиссер и актер снова начнут мелькать в ЦДРИ или в ином месте на слете тех, для кого театр начинается не с вешалки — с «биржи». И над этим вместилищем несбывшихся надежд снова будет витать знакомая фраза: продается герой-любовник!

ТЕЛЕМАНЬЯКИ

Рисунок В. ШКАРБАНА

Н. АЛЬТШУЛЕР

Радостная премьера

Главреж целуется с вахтером,
Завлит — с портным, помреж —
с актером,
Саксофонист — с ударником,
Контрабасист — с пожарником.
Под выкрики и звонкий смех
Бросают драматурга вверх,
Гримера, осветителя...

Спектакль был праздником для
всех —
За исключеньем зрителя.

г. Рига.

ФЛЯГА КАК ОБРАЗ

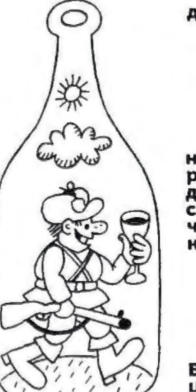
О древнем и мужественном занятии — об охоте на зверей и птиц писали многие пишущие. Как то: Некрасов, Тургенев, Чехов, Толстой, Пришвин, Хемингуэй и др.

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» по этой традиции тоже не чурается чисто литературных жанров. И это прекрасно. Не все ж о браконьерах или о популяциях диких животных корреспонденции публиковать.

Вот и в № 1 за этот год по стопам Тургенева и др. бодро заспешил студент Литературного института А. Руденко, отразивший звероубойные мотивы в стихах. Но странные какие-то нюансы наличествуют в поэтической рубрике молодого автора:

Усталости нашей не жалко —
Приходит блаженство и лень.
И водки прекрасную чарку
Мы выпьем за завтрашний день.

(«Николаю Никищину»).

И это в то время, как общественность яростно противоборствует с пьянством... Впрочем, бог бы с ними, с руженными отшельниками! Пусть бы выпили чарку от сырости, только чтобы потом с пьяных глаз друг другу утиной дробью не засадили... Но зачем же воспевать «водки прекрасную чарку» в официальном рупоре стрелков по волкам и бекасам? Да еще в стихах?

И вообще мотив выпивки у А. Руденко — чуть ли не лейтмотив:

И в легкой, бездумной отваге
Мы видим: рассвет настает!
Поднимем тяжелые фляги...

«Ночная баллада».

Они поднимут фляги не с какао, надо понимать. Впрочем, есть и разъяснение. Чтоб у брата-охотника, дорогого подписчика, не оставалось сомнений. Мол, у настоящего мужчины фляга только для одной жидкости и предназначена:

Я чищу ружье и готовлю рюкзак,
Я спирт наливаю во флягу...

(Стихотворение без названия).

Гм... А. Руденко пока еще студент. Вот окончательно выучится и напишет, надо полагать, большую лирическую поэму с алкогольно-охотничьим накалом. И, конечно же, отнесет в журнал «Охота и охотничье хозяйство».

М. ПУЛЬКИН.

Валентина ЖЕГИС

Сонеты тети Капы

Тетя Капа, наша лифтерша, в этот вечер как кулинар превзошла себя: мы уплетали за обе щеки экзотический салат с океанскими моллюсками и запивали его приготовленным по особому рецепту напитком из лепестков расцветающих ландышей...

В моем взбудораженном мозгу вертелся единственный вопрос: чем же я теперь стану расплачиваться с тетей Капой за ее экзотическое меню?

И в это мгновение на мой письменный стол, легче пушинки, опустился белый листок бумаги с нацарапанными на нем строчками.

— Что это? — воскликнула я.

— Санет! — отвечала зардевшаяся тетя Капа.

Сонет, как ему и положено, воспевал любовь и посвящался автором дворнику-истопнику нашего жэка Федору Архипычу Баранову по прозвищу (видимо, за бороду) «Бармалей».

Стихотворение (приводим его с орфографией автора) кончалось так:

Ах ты, глупый Бармалей.
Здря ваду на клумб не лей.
Атойди с маей дороги,
Видишь, я пеку пироги...

...Я оцепенела. Мне представился несчастный Петрарка, положенный тетей Капой на обе лопатки. Из состояния полной прострации меня вывел спокойный голос поэтессы, деловито осведомлявшейся, по каким числам у нас в газете платят авторский гонорар.

...Всю ночь я сидела над забытыми учебниками стихосложения, изучая амфибрахий, анапест, а также акростих.

На другой день на стол ответственного секретаря лег классический сонет, подписанный новоиспеченной Петраркой — Капитолиной Кочергиной. В четырнадцати строчках автор воспевал силу юношеской страсти к своему возлюбленному — «Бармалею», восхищался пением соловья, а также — для современности звучания — гулом соседней стройки.

— Правильно начинаешь,— сказал ответственный секретарь, подписывая сонет в набор.— Нам поэтическая молодежь нужна вот так,— и полоснул себя рукой где-то в районе подбородка. Потом игриво добавил: — Познакомь при случае!

Дежурный критик на летучке сказал, что на поэтическом небосклоне вспыхнула новая звезда, а мне, как воспитателю молодых талантов, даже разрешили выращивать их на дому.

С тех пор я активно выращиваю тетю Капу. Ее стихи, хорошие и разные, печатаются во многих изданиях, как толстых, так и средней упитанности.

Предоставленный мне свободный режим положительно отразился и на моих кулинарных способностях: с помощью тети Капы я уже освоила не только «Книгу о вкусной и здоровой пище», но и восточное меню. Так что ужин ко дню рождения тети Капы буду готовить я. Тут будет и «бельдюга в шубе», и «акула в собственном соку» и многое другое. Среди гостей тети Капы будут писатели, поэты и критики. Разумеется, только члены творческого союза. Я робко предложила пригласить «Бармалея», но его кандидатура была решительно забракована самой же тетей Капой.

Что касается моего сына-полиглота, то он в этом году оканчивает наконец свой ин-яз и будет переводить сонеты тети Капы на хинди и урду.

Мих. БОГУЧАРОВ

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ ДУЛИИ

Рассказ

Иван Петрович Гущин, мужчина лет пятидесяти, еще моложавый и стройный, протиснулся в вагонное купе, поставил чемодан и был приятно удивлен. Напротив него сидела дама, на вид ей казалось не более тридцати пяти, но определить истинный возраст не давали огромадные глаза. Одному богу известно, сколько усилий было затрачено, чтобы сделать такие роскошные ресницы.

— Здравствуйте, сосед! — неожино сказала дама. Ее голос был приятен и певуч.— Далеко едете?

— Как вам сказать, в командировку, по делам службы. Дела, знаете ли,— быстро-быстро заморгал Иван Петрович своими голубыми невинными глазами. Было видно, что он не ожидал такой общительности от дамы.

— Счастливый,— уставившись немигающими глазами в Ивана Петровича, произнесла дама.— Как вас зовут?

— Иван Петрович, Гущин Иван Петрович, из вуза, так сказать...

— Значит, наукой промышляете?

— Как, как вы сказали?

— Науку, стало быть, грызете, говорю? — повысила голос дама.

«Простите, наука не сухарь, чтобы грызть»,— хотел сказать Иван Петрович, но промолчал и начал разворачивать простыни.

...Поезд тронулся. Дама внимательно наблюдала за Иваном Петровичем, за его подрагивающими руками, за неловко сгибавшимся торсом...

— Да вы не стесняйтесь,— небрежно тронула она Ивана Петровича за пиджак. — Измазались мелом. Ну-ка, дайте я ототру!

Иван Петрович вздрогнул:

— Благодарю вас, милейшая, как вас, извините, по имени и отчеству?..

— Дулия Никифоровна. Можно просто — Дуля.

— Лучше — Дулия Никифоровна. Однако занятное у вас имя, редкостное... Ах, черт возьми, с этой подушкой, не лезет в наволочку.

— Киньте-ка мне...

Дулия Никифоровна ловко втиснула подушку в наволочку и вернула Ивану Петровичу.

— У вас золотые руки,— сказал он.

— У меня доброе сердце,— уточнила новая знакомая.

Потом был чай и длинные разговоры. Уже засыпая, Иван Петрович подумал: «А она славная собеседница, бесхитростная...».

Потом Иван Петрович вернулся из командировки. И в первый же день ему позвонили по телефону. Позвонили в тот момент, когда в его кабинете находились сослуживцы.

— Иван Петрович? — зазвенел в трубке приятный певучий голос.— Это я, Дуля, Дулия Никифоровна. Надеюсь, вы меня не забыли?

Сослуживцы, переглянувшись, один за другим стали покидать кабинет.

Иван Петрович словно прирос к креслу.

— Здравствуйте! Чем могу быть полезен?

— Не надо так официально. Я хочу вас видеть.

— К сожалению, я занят, у меня совещание,— пробормотал Иван Петрович.

— Ничего, ничего. Я понимаю, но вы мне очень нужны. Я, знаете, по вас сильно соскучилась.

— Что вы сказали? — Иван Петрович даже встал с кресла.

— Звоню из автомата, здесь рядом, хочу тебя видеть. Надеюсь, я имею право называть вас на «ты»?

— Право? То есть какое право?!

— В общем, я жду. Выйди на минутку, поговорить надо,— уже капризным тоном настаивала Дулия Никифоровна.

— О чем? Говорите по телефону.

— Это неловко. Мне надо сказать нечто особенное. Жду.

В трубке запикало, а у Ивана Петровича заекало сердце.

— Фу ты, какая-то беспардонщина,— бормотал он, не зная, что делать.

...Через несколько минут он был все-таки на улице. Зачем Иван Петрович вышел на улицу, этого он не мог объяснить. Виновата, видимо, была его врожденная деликатность.

Дулия Никифоровна заспешила ему навстречу и чуть было не обняла Ивана Петровича. Тот испуганно отстранился и спросил:

— В чем дело? Что вам от меня нужно?

— Не надо так строго, не надо. У меня к вам пробудилось хорошее чувство, а вы...

— Извините,— озираясь, заговорил Иван Петрович,— извините, это... у меня семья, дети.

— Ну и что? У меня тоже.

— Что вам угодно?

— Я же сказала, мне нужен ты.

— Зачем? — вскрикнул Иван Петрович и основательно побледнел.

— Я не думала, что ты такой робкий,— насмешливо сказала Дулия Никифоровна.— Обворожил, лишил сна, а теперь в кусты. Да я димедрол глотаю, как орехи, а покоя нет. Послушай мое сердце.— Она взяла руку Ивана Петровича и приложила себе к груди.

Иван Петрович обомлел от испуга и скосил глаз на шестой этаж, где размещался его отдел. В окнах белели лица подчиненных.

— Хорошо, хорошо,— залепетал он.— Что подумают люди, успокойтесь, Дулечка... Что вы, что вы?

— Боитесь, а мне наплевать, что скажут люди, мне нужен ты.

— Побойтесь бога, я пойду, у меня работа.

— Ладно, пока хватит. Иди,— смиренно проговорила Дулия Никифоровна и погладила его руку.— А вечером — опять здесь или чуть подальше, вон за тем домом. Я буду ждать. И не вздумай вилять. Понял? Жду.

Вконец расстроенный, Иван Петрович побрел в институт.

С этого момента Дулия Никифоровна звонила каждый день и требовала свиданий.

Однажды она сказала:

— Помоги поступить в институт одному молодому человеку.

— Что значит «помоги»? Пусть сдает экзамены.

— Это я и без тебя знаю. Ты проследи, чтоб балл был проходной.

— Это — преступление.

— Не пугай, не из пугливых.

— А если не сделаю? — попробовал возмутиться Иван Петрович.

— Как это то есть не сделаешь?! — закричала Дулия, и все, кто был на улице, посмотрели в сторону Ивана Петровича.

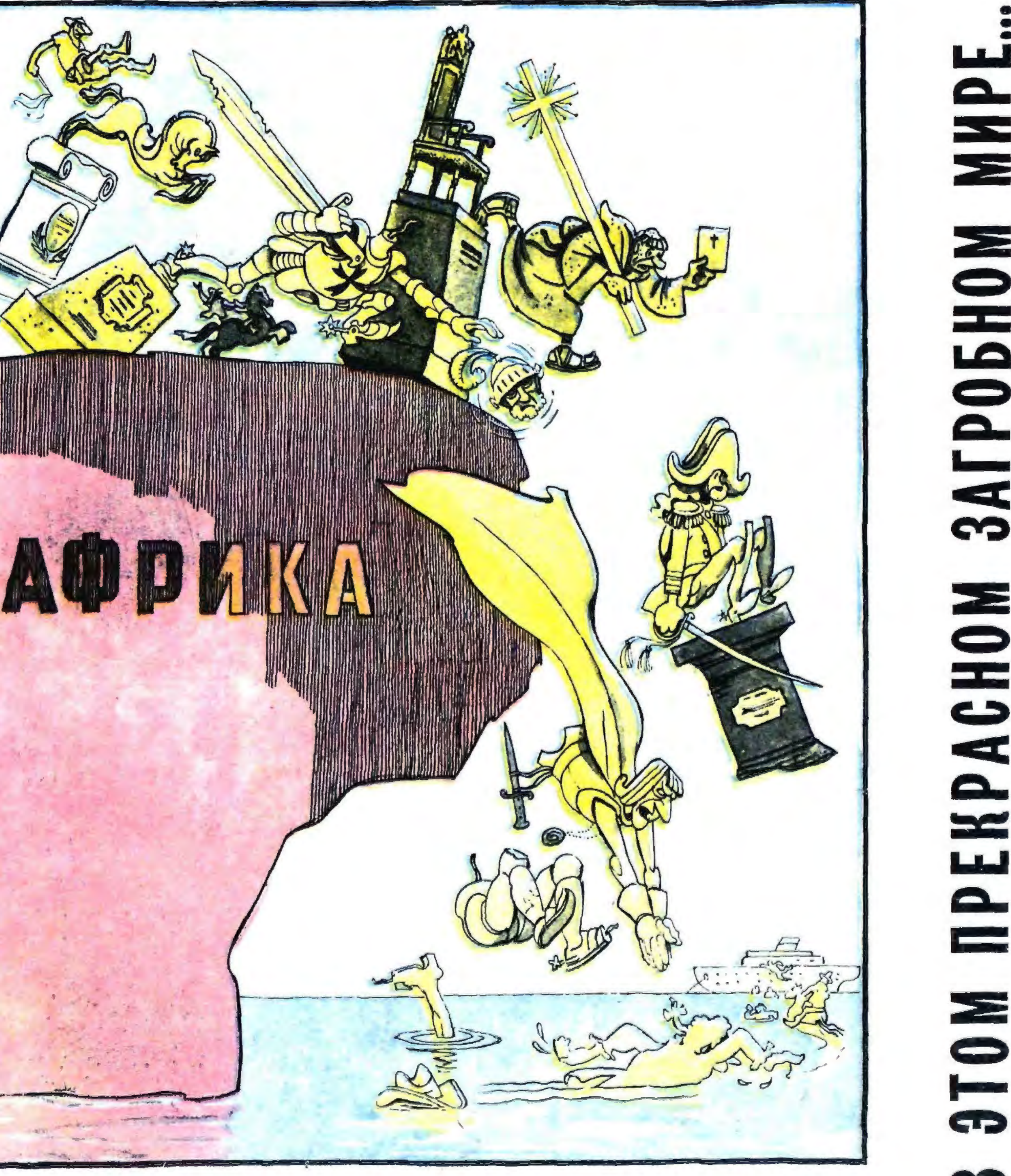
— Тише, тише!! — замахал на нее руками Иван Петрович и убито спросил: — А парень ничего? Соображает?

— Мой племянник...

...Сколько было еще просьб — Иван Петрович и счет потерял... Он кого-то устраивал в институт, кому-то помогал прописаться в городе, хлопотал насчет жилья. Это был настоящий террор. Но у него не хватало ни смелости, ни сил послать подальше Дулию Никифоровну. Он всякий раз только умолял ее:

— Дулия, пощади, не дай погибнуть. Ну, зачем я тебе, брось меня, больше я ничего не смогу для тебя сделать. Сжалься! У тебя же доброе сердце, Дулия!

...Спустя три месяца, Иван Петрович, уступив настояниям Дулии Никифоровны, вступил с ней в законный брак.

ПЕРСОНЫ «НОН ГРАТА»

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

В ЭТОМ ПРЕКРАСНОМ ЗАГРОБНОМ МИРЕ...

Верите ли вы в привидения? Доводилось ли вам лично встречаться с этими загадочными обитателями мира теней и призраков? Не доводилось? Это, должно быть, оттого, что климат у нас неподходящий, резко континентальный.

А вот на туманных Британских островах все иначе: издавна там ко всяким призракам относились с пониманием и сочувствием, не прочь были пообщаться с ними и даже слушались их советов (вспомните хотя бы несчастную тень отца Гамлета, выступившую в роли свидетеля обвинения). И в наш просвещенный век не ослабевает в Англии интерес к потусторонним феноменам. За привидениями ведутся наблюдения, изучаются излюбленные места их обитания, проводится инвентаризация.

К примеру, не так давно некий Питер Андервуд опубликовал «Географический справочник британских привидений». Солидный труд и прекрасно издан: на мелованной бумаге и в красивом переплете. Автор с патриотической гордостью отмечает, что, по его подсчетам, в Англии приходится больше привидений на квадратную милю, чем в любой другой стране мира. Далее в своем труде П. Андервуд приводит множество любопытных сведений из этой малоизученной области и, в частности, утверждает, что и привидения тоже не бессмертны. По имеющимся у него данным, период их, так сказать, полураспада составляет 400 лет. По истечении этого периода привидения заметно портятся, чахнут и не годятся даже для географических справочников. Это весьма прискорбно, ибо лишает нас возможности побеседовать, например, с вышеупомянутой тенью гамлетовского папаши — она ведь и во времена Шекспира была уже немолода.

А вот передо мной еще более увлекательная книга, тоже английская и тоже прекрасно изданная (издатель Роберт Хэйл, цена 3 фунта стерлингов) под названием «Жизнь после смерти». Автор этого сугубо научного труда Невиль Рэндалл — пытливый исследователь и страстный пропагандист загробного мира. Автору повезло: судьба свела его со спиритическим медиумом (как видите, не вымерла еще эта профессия), неким Лесли Флинтом, который с помощью столоверчения и прочих испытанных временем средств и приемов запросто общается с покойниками, а два его помощника, они же техники-лаборанты, записывают эти беседы на самый современный магнитофон, следя за чистотой звукозаписи. У них там набралось более 500 записей таких бесед, и Н. Рэндалл, прослушав эту коллекцию, пришел в полный восторг.

Кого только нет в богатой фонотеке Флинта! Вот, например, некто Джордж Уилмот при жизни был старьевщиком, то есть занимался сбором утильсырья. Джорджу к тому же крупно не повезло в личной жизни: были у него две жены, и обе ему изменяли («потаскухи паршивые» — гремит из динамика гневный голос). Зато на том свете утешился бедолага: первой, кого он там встретил, была Дженни — преданная ему лошадка, давно уже переселившаяся туда по причине преклонного возраста.

И еще одна трогательная встреча бывшего человека с бывшим другом человека. Терри Смит, покойный морячок с затонувшего линкора «Худ», был приятно удивлен, увидев на том свете своего старого черного кота. Причем больше всего поразила Смита кошачья способность общаться при помощи телепатии. «Он не мяукнул, не издал ни звука, но как будто заговорил»,— рассказывает голос с магнитофонной ленты. «Ну как поживаешь?» — спросил кот. Впрочем, другие голоса из фонотеки заверяют, что ничего тут удивительного нет, что они все там умеют передавать мысли на расстояние.

Так какова все же эта загробная жизнь? Как же они там действительно поживают? Ученый муж Н. Рэндалл, тщательно проанализировавший все 500 флинтовских записей разговоров с тенями полузабытых предков, приходит к выводу, что жизнь на том свете почти ничем не отличается от земной. Правда, кое-какая разница все же имеется. Нет там профсоюзов, нет инфляции и безработицы. «Здесь полно незанятых рабочих мест»,— уверяют голоса. Особым спросом, оказывается, пользуются там каменщики, маляры и садовники. Процветают также архитекторы, дизайнеры, библиотекари и педагоги. Как ни странно, и там отмечается большая нужда в психиатрах.

Ну а как же развлекаются потусторонние жители? И на этот вопрос Рэндалл отвечает вполне уверенно. «Никто,— пишет он в своей книге,— не упомянул о телевидении; по-видимому, оно еще не достигло того света, но зато там имеются почти все другие земные развлечения, и притом бесплатные. Есть там книги, пьесы и концерты, устраиваются бега, правда, без тотализатора, что,— справедливо замечает автор,— делает их малоинтересным зрелищем».

Со спиртными напитками там тоже туго, то есть их там вообще не производят. Это обстоятельство особенно удручает одного из опрошенных, покойного слугу королевы Виктории Джона Адамса, вошедшего в историю как большой любитель заложить за галстук. «Приучился обходиться без виски»,— слышится в затемненной студии грустный голос викторианского алкаша. Бедный Адамс, и ты был когда-то человеком! Но зато по части всего остального — полный ажур. Повсеместно царит любовь во всех ее формах и проявлениях. Об этом свидетельствует, оказывается, сам Оскар Уайльд, большой авторитет в этих делах. «Я живу здесь жизнью, исполненной сладостного греха,— мурлычет с пленки голос писателя-жизнелюба,— только у нас это не запретно».

Ну, пожалуй, хватит цитат. Пора и нам вслед за гг. П. Андервудом и Н. Рэндаллом проанализировать все эти сенсационные сведения и тоже сделать кое-какие выводы.

Что касается Питера Андервуда, автора «Справочника», то его сочинение было составлено, вероятнее всего, по заказу туристических фирм, которым прекрасно известно, что старый английский замок без хотя бы захудалого привидения для пресыщенного заокеанского туриста все равно, что тоник без джина.

Что касается книги «Жизнь после смерти», то тут возможны по крайней мере два варианта: либо простодушный ученый Н. Рэндалл попался на удочку пройдохи Флинта с товарищами, либо ученый отнюдь не так прост и, обладая богатым воображением, выдумал и Флинта с его столиком, и ассистентов с их магнитофоном, и все пятьсот записей художественного бреда. Эту загадку, не располагая дополнительной информацией, нам, пожалуй, не решить.

Ясно одно — издатель не зря польстился на эту книгу. Образ загробной жизни, нарисованной автором,— жизни без увольнений, дороговизны, профсоюзов, безработицы, инфляции,— чрезвычайно привлекателен для современного английского обывателя, измученного и запуганного сегодняшней неуютной реальностью.

А. ПАТИН

ШТОПОР СИСТЕМЫ «ПЕНТАГОН»

Украинские эпиграммы

Антон ШАКА

СВОБОДНЫЙ ВЫБОР

Сказали в чистилище: — Ну, выбирай —
Директором в ад или дворником в рай!
Без долгих раздумий ответил Игнат:
— Чего там! Конечно, директором в ад.

Борис КОВАЛЕНКО

ТАКАЯ РАБОТА

Добрейший пес и мило скачет.
Не проклинай его за то,
Что он порвал твое пальто:
Работа у него собачья.

Павло БОНЕВ

БЛАГОРОДНЫЙ ПОРЫВ

— Все! Сидеть я более не смею
У своих родителей на шее.
Молодежи все пути даны!..
Перейду к родителям жены.

Михайло ХИЖКО

КОРОТКО И ЯСНО

— Ты послушай, батя,
Что хочу сказать я...
— Говори, но кратко!
— Дай-ка мне десятку...

Перевел
Семен ВАНЕТИК

Рисунок **Ю. УЗБЯКОВА**

— Вот настоящие друзья! Сумели поднять больного с постели!

Б. КУДРЯВЦЕВ, Л. АЛЕКСАНДРОВА

ГДЕ ТЫ, КОСТЯ?

Однажды, в обычный будний день, строители, рывшие котлован вблизи Челябинского тракторного завода, встали вокруг выкопанной ямы и начали разговор:

— Этак мы всю технику на корню поуродуем...

— Сплошные болванки. До грунта не доберешься.

— Это мы, ребята, на отвал наткнулись. Металлу в нем — невпроворот. Беда! А тут еще Костю замели.

— Неужели добрались до него? Тогда нам совсем труба.

И, обронив загадочную фразу о Косте, рабочие отправились сообщать о находке.

Однако они никого не удивили. О наличии металла в отвале великолепно знало руководство ЧТЗ. А также все окрестное население. Но если заводчане эти знания никак не использовали, то жители, напротив, извлекали из них немалый профит: они выковыривали металл из отвала и продавали его заготовителям лома.

Широко известны имена некоторых, особо энергичных «рудознатцев», наживших на раскопках жирную деньгу. Вот, к примеру, некто Дмитров из города Пласта. За определенную плату два местных механизатора заполняли для него грузовичок увесистыми глыбами металла. А потом Дмитров вез свою добычу в одну из ближайших школ. Там он обменивал этот производственный лом на собранный пионерами бытовой, каковой и сдавал в «Утильсырье». Операция была взаимовыгодной: Дмитров менял «с походом», школам это было нужно для выполнения плана. Дмитров же, как частное лицо, мог сдавать только бытовой лом, но никак не производственный.

Костя Дмитров (это именно тот Костя, о котором горевали землеройщики) за короткое время заработал на этих операциях четыре тысячи рублей. Он мог бы получить много больше, но был посажен на полгода. Причем следователю это стоило больших усилий. Как ни странно, спасали Костю работники тракторного завода. Они хором твердили:

— В нашем отвале не может быть производственного лома. Это противно нашей технологии.

Начальник бюро металлоотходов тов. Балаев обиженным тоном доказывал:

— Мы иногда проверяем этот отвал, но, кроме жалких крох, ничего путного там до сих пор не обнаружили.

Между тем сколько «жалких крох» ни извлекают из отвалов коллеги Кости Дмитрова, отвалы не уменьшаются, а, наоборот, растут. Уж больно неравны силы. Ну сколько могут со всеми домочадцами наковырять металла из отвалов частные граждане? Сущие пустяки по сравнению с тем, что неустанно закапывают в землю многочисленные предприятия Челябинска. Не только отвалы, а даже пустыри буквально нафаршированы металлом. Совсем недавно на угодьях Челябинского электрометаллургического комбината было найдено целое богатство: оборудование, конструкции, стальная стружка и прочее добро.

Не отстают от заводов и строительные организации. Закапывают сотни и тысячи тонн металла «Челябтяжстрой», «Тракторострой» и другие гиганты.

И тем не менее тепло вспоминают о Косте механизаторы. Без него было бы совсем худо. То и дело ломаются бульдозеры и экскаваторы, натыкаясь на упрятанные в недрах глыбы металла.

Ознакомившись с этими фактами, мы высказали идею, что предприятиям надо бы дать план по сдаче лома. Тогда бы они не закапывали его в землю. И в ответ услышали:

— Есть! Есть у них такой план. Но только дается он больше для приличия. Это уж такие жалкие крохи, о которых никому и думать неохота!

ПОРА ЭКЗАМЕНАЦИОННАЯ

— Ну что ж, будем считать: с географией вы справились!

Рисунок **М. ВАЙСБОРДА**

К слову о словах

«К СЕРДЦУ ПО-ПЛАСТУНСКИ»

Я очень внимательно читаю «Крокодил», порой с карандашом в руке. Я не понимаю, почему фельетонисты вставляют в фельетоны слова и даже целые фразы, которые ни уму, ни сердцу.

«Дяденька,— размазывая слезы, вопит мелкота».

Мелкота — это, оказывается, дети.

А разве нельзя написать просто, по-человечески: «дети»? Мелкота — это кильки в банке.

«Разогрел до невозможности свое мозговое вещество, испек мыслишку».

А можно написать короче и ясней: «Обстоятельно подумал». Обе цитаты из фельетона С. Шатрова «Охотник с мусоровозом» (№ 11). А вот из его другого фельетона — «Кровавое созвездие» (№ 12):

«...запах барашка на литературном вертеле».

Где видал С. Шатров «литературный вертел»? Я не видал.

И опять из произведения того же автора — «Повесть о бедной Лизе» (№ 9):

«По-пластунски подкрадывался к ее сердцу один прапорщик-пограничник».

Разве к сердцу можно подкрадываться, да еще по-пластунски? Хотелось бы посмотреть, как это выглядит.

Неужели трудно писать официально: «Где работает?» (а не «Где набивает мозоли»?) и т. д.?

П. Арефьев,
пенсионер по возрасту,
г. Ставрополь.

Уважаемый тов. П. Арефьев! Ваше письмо было зачитано на редакционной летучке. Выступивший затем С. Шатров признал свой творческий метод ошибочным и торжественно объявил, что отныне будет писать фельетоны и рассказы в соответствии с вашими рекомендациями. Месяц мучился, но, увы, ничего не вышло из-под пера его. Обидно, особенно если учесть, что он хорошо владеет официальным языком, которым пишет докладные, заявления в кассу взаимопомощи и жалобы на сантехника.

Спрашивай — отвечаем

ПРО «БОРМОТУХУ»

В журнале № 10 на странице 12 вы показали технологию производства самогона, а теперь просим дополнительно сообщить рецепт «бормотухи», из которой получается самогон. Необходимо срочно к празднику.

Работники детских библиотек,
г. Великие Луки.

ОТ РЕДАКЦИИ. Художник В. Чижиков, на рисунок которого ссылаются анонимные авторы письма, уполномочил нас сообщить, что изображенный им аппарат предназначен для перегонки не «бормотухи» в самогон, а, наоборот, самогона обратно в сахар. Что касается рецепта «бормотухи», рекомендуем справиться по адресу: как выйдешь из Великих Лук, так вторая деревня налево.

Уголок эрудита

ИСПОЛАТЬ!

В рубрике «Нарочно не придумаешь» (№ 14 «Крокодила») приведено объявление «Продается корова, доится первым теленком». Но ведь в этом нет ничего смешного, это русское народное выражение. Просто сейчас старые выражения все больше забываются, поэтому хочу указать на недостаточность знаний сотрудниками редакции народного русского языка. Прошу принять мои замечания к сведению.

Ваш постоянный читатель В. И., г. Ташкент.

Письмо В. И. редакция намедни обмозговала, благодарствует дельным замечанием.

Не в ногу с жизнью

С ДВОЙКОЙ ПОКОНЧЕНО!

Дорогой Крокодил!

Увидела я в твоем 11-м номере рисунок, на котором изображена толпа разъяренных граждан, направляющихся в учительскую. Подпись гласит: «Угадайте, сколько двоек поставил учитель».

Ах, Крокодил, как ты отстал от жизни! Да какой же учитель ставит сейчас двойки! Разве какой-нибудь чудак, чересчур уж принципиальный. Двойка практически изжита, не учениками, правда, а установками, которые даются учителям. Вот и я сижу сейчас над стопкой ученических тетрадей и усердно вывожу тройку там, где самое место двойке.

Кстати, и тройка сейчас тоже под угрозой. Уже велено кончать с ней и переходить на четверки. Отстал ты, Крокодил, от школьной жизни.

Л. Орлова, учительница, г. Углич.

Все о том же

И МЕНЯ—С НАГРУЗКОЙ!

В заметке «Закуска в нагрузку» («Крокодил» № 10) рассказывалось о том, что на станции Рубцовск хотя и продают пиво, но с обязательным довеском в виде видавших виды котлеты и пирожка.

Председатель Рубцовского горисполкома тов. Н. Гладышев известил нас, что упомянутая заметка обсуждалась на расширенных производственных совещаниях работников торговли и общественного питания города. За нарушение правил торговли директор ресторана «Колос» тов. М. Шор партийным бюро треста столовых, ресторанов и кафе строго предупрежден.

Ликование, воцарившееся в редакции по этому поводу, было, впрочем, несколько омрачено двумя письмами-откликами от наших читателей — капитана милиции тов. В. Ткаченко из г. Краматорска и семьи Козловских из г. Нальчика. Словно сговорившись, они сообщали, что местные органы «Союзпечати» продают **именно тот самый № 10 «Крокодила»** с... нагрузкой в виде поздравительных открыток!

Столь красноречивая реакция торговой сети на очередное выступление журнала против «принудительного ассортимента» заставляет нас вновь процитировать одну фразу из вышеназванной заметки:

«Несмотря на глухие раскаты административного грома, доносящиеся время от времени с вершины торгового Олимпа, «принудительный ассортимент» так цепко завяз в ячеях торговой сети, что выдрать его оттуда не под силу клещами самых жестких приказов и повелений».

Признаться, мы возлагали на этот дерзкий выпад немалые надежды. Нам казалось, что «торговый Олимп» — весьма ясный намек на Министерство торговли СССР. И мы терпеливо ждали, что руководители министерства ответят нам по поводу проблемы «нагрузки» в целом.

Увы, не дождались. Так уж, может быть, после вот этого напоминания...

— Батюшки! Никак браконьер на новую технику перешел!

Рисунок **И. СЫЧЕВА**

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«При прокладке канализации по Уссурийской перекопали улицу, завалили жильцов глиной и не восстановили до сих пор».

Газета «Ударный фронт», Приморский край.

«Работаю я на заводе 4 года. Кроме благодарностей и почетных грамот, я никогда ничем больше не была наказана».

(Из отчета).

«Домоуправление № 26 сообщает, что новая помойная яма, которую хотели построить в 1974 году, засыпана, а старая — включена в капитальный ремонт».

(Из ответа в редакцию)
Прислал Т. Попуго, г. Окуловка.

«На смазывание пяток артиста Антонова в съемках эпизода «Причащение» на металлическом полу собора израсходовано пол-литра спирта, который подлежит списанию с подотчета зам. директора съемочной группы».

(Из акта)
Прислал Б. Колтунов, г. Одесса.

«Райсобес просит срочно выслать корешки работающих пенсионеров».

(Из служебного письма)
Прислала Т. Полякова, Читинская область

«В январе и феврале вместо привеса был допущен отвес животных».

Газета «Советская Башкирия».

«Рацпредложение тов. Орлова внедрить в тов. Бабаева».

(Из приказа).
Прислал Н. Рак, г. Кувшиново.

«Длинной вереницей шагает по улице отряд. Двадцать пять любопытных глаз»

Многотиражная газета «За технический прогресс» завода «Гидропресс», г. Оренбург.

«Я ушел раньше с работы потому, что станок сломался. Электрик был не в форме, а я не в курсе».

(Из объяснительной).

«Требуется няня. Ребенку два года. Няню можно на постоянно или гулящую».

(Объявление).

Прислал С. Цуриков, г. Владивосток.

«Продаю дом с деревом и колючей проволокой вокруг».

(Из объявления).
Прислал Н. Огородников, г. Майкоп.

«Шофер Кибанов, будучи в нетрезвом состоянии, следуя в Дубровино, изжевал целый комплект резины».

(Из приказа).
Прислал С. Лапшин, Новосибирская область.

— Вы уж извините меня!
— Нет, уж вы меня извините!

Рисунки А. АЛЕШИЧЕВА

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Януш ОСЕНКА
(Польша)

Кнопка

Ужасны человеческие трагедии. Одних судьба попросту оглушает ударом по голове, а для других придумывает утонченные издевательства.

Недавно я был в кино. Шел никудышный фильм, и зал был почти пуст. Я обратил внимание на одного зрителя, который вел себя весьма странно.

Он весь сеанс простоял в боковом проходе, несмотря на то, что в зале свободных мест было более чем достаточно.

Когда зажегся свет, я не мог сдержать любопытства.

— Вы всегда смотрите фильмы стоя? — спросил я его.

Он посмотрел на меня удрученно.

— Я все делаю стоя,— ответил он.— Это трагедия моей жизни.

— Невероятно! — воскликнул я.— Абсолютно все делаете стоя? Даже спите в таком положении?

— Сплю я на боку — это единственное исключение. А все остальное — стоя.

— Но почему? — удивился я.

— В школе один из одноклассников подшутил надо мной. Он подложил мне на скамью острую кнопку, и я уселся на нее. Кнопка угодила в какой-то нерв, что вызвало необратимый психический шок. С тех пор я на всю жизнь травмирован. Меня нельзя заставить сесть ни за какие сокровища мира, хотя вы и представить себе не можете, какие титанические усилия я прилагал, чтоб переломить себя.

— Но... однако...— задумался я,— как можно жить стоя?

— Адские муки,— согласился он.— Школу окончить я не сумел, потому что преподаватели спрашивали только меня. Им было удобней спрашивать ученика, который уже стоит. Работа тоже была для меня мукой. Само собой разумеется, работу я должен был выбирать только стоячую, но, как вы понимаете, работа — это не все. Например, собрания. Не мог же я стоять за столом президиума. Нельзя было также стоять в боковом проходе в зале. У начальства появлялось подозрение, что я хочу улизнуть...

Был в моей жизни такой момент, когда казалось, что судьба мне улыбнулась. По одному важному делу меня вызвал к себе министр.

— Садитесь,— сказал он.— Чашечку кофе?..

Я стоял.

— Садитесь,— сказал он уже менее любезно.

Я стоял.

Не знаю, как он объяснил мое поведение. Решил, что я безнадежный подхалим или что я не желаю сидеть с ним за одним столом. Так или иначе, но он больше меня не вызывал.

Но если бы я и получил хорошую должность, легче бы не стало. Можно ли стоять за директорским столом?

— Да, это не совсем удобно,— согласился я.

— О личных делах и говорить не стоит. Как завязать дружеские контакты? Допустим, поначалу можно стоять, а дальше? Кино, кафе, беседа с родителями невесты... Стоя? Драма, одним словом, настоящая драма! — закончил свою исповедь несчастный.

Я призадумался.

— Послушайте,— воскликнул я наконец,— вам чертовски повезло!

— Повезло? — удивился он.— Жить стоя?!

— Нет, совсем не то,— объяснил я.— Вам повезло, что сейчас разработан новый метод лечения подобных форм психических заскоков. Вы будете здоровы. Благодаря новым методам и новой аппаратуре ваша болезнь будет легко излечена. Это просто пустяк. У меня есть знакомый психиатр, для которого вылечить вас — это все равно, что съесть булку с маслом.

Он был потрясен. В его глазах блеснул луч надежды.

Я отвел его к знакомому психиатру. Тот надел на больного разные электрические катоды, подключил его к компьютерам, включил рубильники, присоединил атомный реактор. Все уже было на мази, и несчастный не мог прийти в себя от радостного возбуждения.

— Неужели я буду здоров? — повторял он.— Буду совершенно здоров? Смогу сидеть, как все люди?

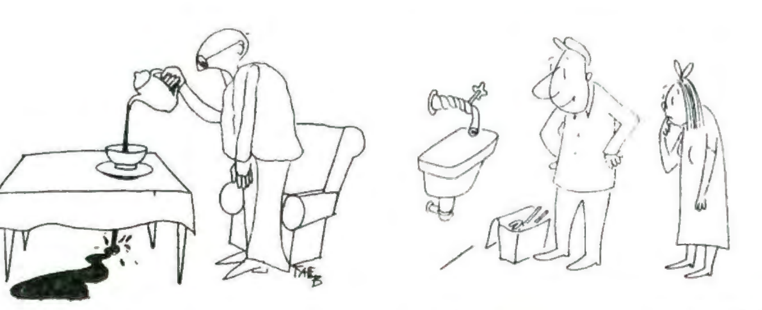
— Конечно, — убеждал его врач.— Вот мы ставим позади вас стул. Теперь прошу расслабиться. Я пропущу через вас слабый переменный ток. Прошу расслабиться, смотрите в одну точку над моей головой. Ни о чем не думайте! Совершенно расслабьте мускулатуру. Сейчас через ваше поле пройдет индуктивный ток. Расслабьтесь, совсем расслабьтесь. А теперь... Садитесь! Садитесь, я вам говорю!!!

Внезапно раздался страшный крик. Кричал пациент. А точнее, не кричал, а выл, верещал, как резаный.

— Бандиты! — кричал он.— Мошенники! Преступники!

Когда его, бьющегося в конвульсиях, вынесли из кабинета в смирительной рубашке, врач-психиатр склонился над стулом и закричал:

— Сестра! Откуда, черт побери, оказалась здесь эта кнопка?!

— А ведь было время, Эрвин, когда ты будил меня поцелуем!

«Нойе иллюстрирте вохеншау», Австрия.

«Павлиха». Югославия.

— Вот видите, достаточно чуть посильней закрутить кран, и уже не капает.

«Дикобраз», Чехословакия.

Слова, слова...

Фразы следует укорачивать до размеров мысли.

Из завещания Прокруста.

Если критикуешь, невзирая на лица, не следует упоминать имена.

Из письма древнегреческого отца сыну.

Я сторонник женского равноправия, но эмансипация — слишком серьезное дело, чтобы доверить его женщинам.

Д. Александер, английский юморист.

У нас не оказалось белого флага, и мы вынуждены были победить.

Из победной реляции неизвестного генерала.

Если бы на нас дурно не влияли мы сами, какими мы были бы хорошими!

●

Джонсон поступил на работу в телефонную компанию. Его шеф вручил ему ключ и сказал:

— Будешь ходить по городу и собирать деньги в телефонах-автоматах.

Через месяц Джонсон пришел к шефу и попросил выдать ему новый ключ вместо утерянного.

— Где ты пропадал все это время? — спросил шеф.— Кассир несколько раз ждал тебя с зарплатой.

— Как, я еще и зарплату могу получать? — удивился Джонсон.

●

— У меня две дочери-близнецы,— говорит посетитель кафе соседу.

— И как же вы их различаете?

— По родинкам. У блондинки родинка на правой руке, у брюнетки — на левой.

●

Фермер хочет купить мотороллер и справляется у продавца о цене.

Услышав, что машина стоит две тысячи франков, он восклицает:

— Да за эту цену я лучше куплю корову!

— Но вряд ли вам будет удобно ездить на корове.

— Возможно, но еще менее удобно мне было бы доить мотороллер.

●

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

●

Пожилая дама снимает квартиру.

— Скажите,— спрашивает она у хозяйки,— я надеюсь, здесь поблизости нет собак?

— Нет, мадам,— успокаивает ее хозяйка,— вы можете быть совершенно спокойны.

— Прекрасно. А то, знаете, раньше там, где я жила, была овчарка, и вы сами можете себе представить, как это раздражало моих пятерых болонок!

●

Покупатель. Почему эту кильну вы называете селедкой?

Продавец. Кто знает, во что бы она выросла, если бы ее не выловили слишком рано!

●

В одном доме жили два однофамильца Дюраны. Один из них умер, а второй уехал в командировку в Африку.

Приехав на место, он послал своей жене телеграмму, но почтальон ошибся и вручил ее вдове. Вдова раскрыла телеграмму и упала в обморок. Телеграмма гласила: «Добрался благополучно тчк пекло страшное».

— Боюсь, друзья, что сегодня я вряд ли вырвусь из дому.

«Пари-матч», Франция.

КРОКОДИЛ

№ 23 (2141)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы этого номера придумали: А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, Б. Воробьев, Ю. Ерофеев, Н. Корягин, И. Сычев, Ю. Черепанов, А. Чикарьков.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

■

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 23/VII 1975 г. А 00885. Подписано к печати 4/VIII 1975 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 980 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 653 310). Изд. № 1761. Заказ № 967.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

«ФОТОСМЕХ»—ГАБРОВО-75

Наши читатели уже знакомы с некоторыми работами художников-карикатуристов, которые были представлены на Габровском фестивале в Болгарии и затем напечатаны в «Крокодиле».

Но, как известно, габровцы слывут людьми прижимистыми, и поэтому не удивительно, что они захватили, кроме рисунков, еще и веселые фотографии, устроив международный конкурс «Фотосмех».

Часть этих фотографий мы предлагаем читателям «Крокодила». При этом мы преследуем две цели:

1.Чтобы читатель улыбнулся.

2. Чтобы, посмотрев на эти фотографии, он взял фотокамеру, щелкнул затвором и прислал нам что-нибудь наподобие напечатанного на этой странице. Тем самым он примет участие в новом конкурсе Крокодила:

Веселый объектив

Условия конкурса:

1. В конкурсе может принять участие каждый человек в возрасте от 5 до 125 лет, обладающий чувством фотоюмора.

2. Объектом веселого объектива может быть все: от традиционного котенка до звезды Альфа-Центавра. Но, разумеется, снимать только с натуры, не прибегая к инсценировкам, монтажу, ретуши и пр.

3. Фотографии присылаются на глянцевой бумаге размером не меньше 13 х 18 см.

Примечание.

Засвеченные пленки и чистая фотобумага не принимаются.

4. Работы посылаются с пометкой «Веселый объектив». Последний срок приема — 15 декабря 1975 года.

5. Победителей ожидают следующие премии:

Первая — туристская поездка в один из отдаленных красивых уголков нашей страны.

Две вторые — туристская поездка в один из менее отдаленных, но не менее красивых уголков нашей страны.

Три третьи — туристская поездка на автобусе, троллейбусе, трамвае, метро (по выбору) по Москве до редакции для получения премии в размере 100 рублей.

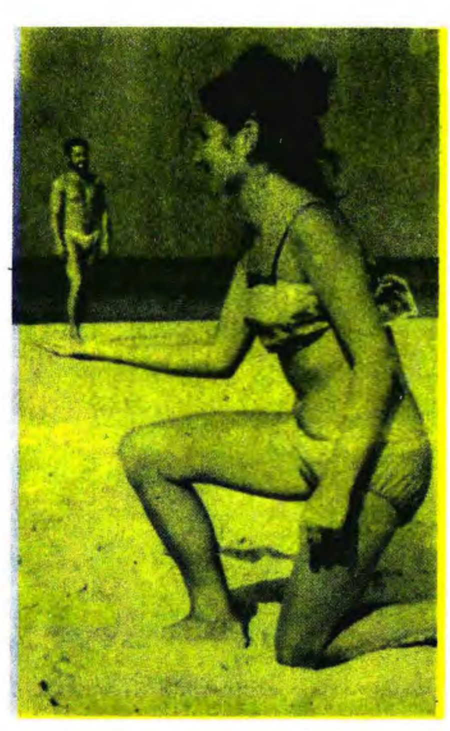
Итак, ждем! Не спешите, но поторапливайтесь!

Йозеф ХУДОБА (ЧССР)
Один или двое. I ПРЕМИЯ

Виктор АХЛОМОВ (СССР)
Плюя на Мальтуса. II ПРЕМИЯ

Еккехарт ФРОЙНД (ГДР)
Без слов.

Роман ЗУМАР (ФРГ)
Без слов.

Франтишек ДОСТАЛ (ЧССР)
Без слов.